

ЧАСТЬ III. ЭЛИТЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Р. Галлямов

Уфимский научный центр РАН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В процессе бурной и противоречивой социально-политической трансформации советского и постсоветского общества особое место занимает эволюция и современное состояние правящих политических элит. Причем, в Российской Федерации (по сравнению с другими союзными республиками бывшего СССР), вследствие воздействия различных политических факторов, а главным образом на основе широкой и мощной волны «суверенизаций» российских республик, сформировалась особая категория политической элиты - так сказать, «государственно-суверенная», в значительной степени и в большинстве случаев этнократически ангажированная политическая элита национальных республик России. В отличие от центрально-федеральной (по сути - «московской») российской политической элиты и элит большинства административно-территориальных регионов (во всяком случае - на уровне первых руководителей исполнительной власти в краях и областях), процесс формирования политических элит в национальных республиках имел целый ряд существенных особенностей и по структурному содержанию, и по формам проявления, и по сопутствующей идеологической атрибутике.

Между тем, в последнее время не только в публицистических изданиях, но и в некоторых научных работах постулируется, как безоговорочный, вывод о том, что существенных изменений при трансформации политических элит в российских республиках не происходит. Например, Д.В. Бадковский пишет: «В некоторых регионах России вообще нельзя говорить о каких-либо серьезных трансформациях местных политических элит. Изменения там носят в первую очередь формальный характер и связаны с преобразованием прежней системы организации управления, формированием новых центров власти. При этом состав местной власти не претерпевает существенных изменений, и неформаль-

ная структура прежней правящей элиты полностью воспроизводится преимущественно в рамках должностной иерархии исполнительной вертикали власти в регионе. Такая ситуация характерна в первую очередь для национальных республик в составе РФ, где идея национального государства в сочетании с особыми механизмами легитимизации власти позволяет местным политическим элитам адаптироваться к новым политическим реалиям»¹.

Подобная постановка проблемы представляется нам чрезмерно упрощенной, даже примитивизированной, т.к. алгоритм постперестроечной трансформации политических элит российских республик, как показывает, в том числе, конкретный эмпирический анализ, имеет значительно более сложную, многовекторную формулу. В этом смысле необходимо согласиться, применительно к трансформации элит российских республик, с мыслью М.П. Афанасьева о том, что «...исходя из очевидной

кадровой преемственности правящего слоя, многие ученые и публицисты полагают, что у власти осталась лишь слегка подновленная номенклатура, в среде которой произошла смена поколений. Развитие номенклатуры, однако, имеет логику и пределы своего развития. Ясно, что с распадом тоталитарной системы номенклатура превращается в иное социальное образование (образования)»². Тем более что в российских республиках на общий фон процесса трансформации элит накладывается множество

специфических факторов - этнополитические аспекты, феномен «суверенизации» и его последствия и т.д.

В российских республиках, таким образом, процесс общественно-политических преобразований значительно отличался от общероссийской трансформации. Одной из существенных причин этого было то, что бывшая «партизно-номенклатурная» региональная политическая элита республик России, умело воспользовавшись подкинутым ей (весьма кстати) «из центра» принципом «суверенизации» и разрывая собственную карту при противостоянии союзных и российских политических амбиций³, а затем - различных ветвей власти в самом российском государстве, сумела организовать свой, автономный государственно-политический механизм и, в результате, дистанцироваться, в определенной степени, от общероссийского политического процесса. Это, в конце концов, оказало доминирующее влияние не только на формирование современного облика политической элиты республик РФ и на создание очень специфически организованных конституционно-политических систем, но и даже на выбор политических лозунгов и всей идеологии общественных преобразований. Не случайно, в российских республиках лозунг, например, «здорового консерватизма», еще с самого начала преобразований в обществе преобладал над другими, более радикальными принципами и методами реформ. Именно поэтому, анализ особенностей современных политических элит российских республик, которые существенно отличаются от других политических элит России, механизма их самоорганизации, этнократического и территориально-сепаратистского потенциалов яв-

ляется весьма актуальным направлением отечественной элитологии и политологии в целом.

Попытаемся проанализировать, в рамках ограниченных размеров настоящей статьи, некоторые тенденции развития политических элит российских республик в постперестроечный период, имея в виду прежде всего специфические особенности, отличающие процесс их трансформации от элитогенетического развития в Центре и других российских регионах.

Первое. Одной из наиболее значительных тенденций новейшей трансформации политических элит российских республик, особенно в сравнении с другими региональными элитами, стал процесс их *этнизации*, или точнее - *этнократизации*. Причем, этот процесс нельзя рассматривать как простое механическое увеличение числа и возникающее на этой основе *преобладание* в правящих элитах представителей титульного для каждой из республик этноса. Анализ показывает, что указанное явление, представляя собой сложный и многоуровневый феномен, выступает не только как *этнизация* элиты, но и как тесно взаимосвязанный с первым процесс *этатизации* титульной этничности. Проявляется это, на наш взгляд, в следующих основных формах.

Во-первых, с конца 80-х гг. и особенно после 1991 г. на основе формирования «суверенной» языковой политики и посредством соответствующего законодательства в абсолютном большинстве российских республик осуществляется жесткое *огосударствление* языков титульных национальностей. В тех же республиках, где специальное языковое законодательство пока отсутствует (например, Башкортостан) и сохраняется формально-правовой статус - кво, массивная титульно-ориентированная языковая политика осуществляется реально⁴.

Во-вторых, наряду с практикуемой в течение нескольких десятилетий и закрепленной посредством новейших веяний массового этнополитического сознания (республиканский менталитет) традицией назначения в национальных республиках на высшие государственные посты представителей титульных национальностей, несмотря на многонациональный состав населения, осуществляется движение в направлении законодательного закрепления подобной практики. Например, в некоторых российских республиках либо конституционно, либо в специальном законе оговаривается как *предварительное необходимое* условие для выдвижения на пост президента процедура *владения* претендентом языком титульного народа, что на практике означает *этническую квоту*. Руководители отдельных российских республик публично и на страницах печати, особенно в полемике со своими оппонентами из Центра, заявляют о необходимости разработки и реализации института республиканского (Башкортостан, Татарстан и т.д.) гражданства.

В-третьих, ярче всего процесс этнизации правящих политических элит в российских республиках проявляется в значительном возрастании представлен-

ности, переходящей в абсолютное доминирование, титульного этноса в высших структурах государственной власти. Даже на фоне возникшей в 20-е годы и получившей развитие в последующие десятилетия советской номенклатурной традиции «коренизации», которая приводила к заметному превышению титульных национальностей в руководящих органах, постперестроечный «взрыв» титульного значения кадрового состава правящих элит в национальных республиках России выглядит слишком впечатляющим. В республике Саха (Якутия), например, якуты, составляя 34% населения, имеют 69% должностей в правительственных структурах⁵. Даже в одной из самых молодых национальных республик России - Адыгее, преобразованной в «суверенное государство» из автономной области в составе Краснодарского края, адыгейцы, составляя меньше 30% населения, «...полностью контролируют правящие структуры»⁶.

Более всего преуспели в этнизации кадрового состава правящих элит в условиях постперестроечного развития самые развитые и весомые в политическом отношении российские республики. В Татарстане, например, по расчетам казанского политолога МХ. Фарукшина, 78,1% местной правящей элиты составляют татары, хотя в целом по республике проживает 48,3% представителей титульной; 43,5% русской и 8,2% - других национальностей⁷. В тоже время, во вновь избранном парламенте Татарстана (Госсовет РТ) татары составляют 73,3%, русские - 25,1% и другие национальности - 1,6%⁸.

Для того чтобы проследить динамику и темпы эволюции представленности основных этнических групп в правящих политических элитах российских республик, проанализируем этот процесс на конкретном эмпирическом материале по Республике Башкортостан (см. табл. I)⁹.

Таблица 1.

Изменение представленности основных национальностей в высших исполнительных структурах государственной власти Республики Башкортостан (1990-1997гг.), %

Национальность	Представленность в населении Республики в целом	Высшее «партийно-политическое» руководство к 1990 году			Руководство исполнительной власти на современном этапе	
		секретари райкомов и горкомов КПСС	Председатели районных и городских советов	Председатели исполкомов гор- и райсоветов	Главы администраций городов и районов	Кабинет министров РБ
башкиры	21,9	44,8	44,7	32,9	58,5	65,5
русские	39,3	31,3	32,9	21,1	15	19
татары	28,4	19,4	15,8	38,2	18,5	13
другие	10,6	4,5	6,8	7,8	8	2,5

Данные, приведенные в табл. 1, наглядно демонстрируют, что в Башкортостане среди представителей исполнительной власти «второго звена», являющихся при современной конституционной системе безраздельными хозяевами республиканских «территорий», титульная национальность выросла в относительном значении за постперестроечное пятилетие на треть, превзойдя соответствующий показатель по республике в целом почти в три раза. В то же время доля русских за это время в данной категории политической элиты сократилось более чем наполовину, уступая теперь общереспубликанскому значению русской этничности в 2,6 раза. Еще более разительно численное превосходство титульной национальности в высшем исполнительном органе государственной власти Башкортостана - Кабинете Министров. Нельзя не отметить, при этом, что из восьми наиболее значимых, ключевых фигур государственной власти республики (Президент, Премьер-министр, Руководитель Администрации Президента, Госсекретарь, руководители Государственного Собрания Курултай) семь являются башкирами (в том числе - пять «башкироязычных» и два «татароязычных») ¹⁰ и только один - иной, русской национальности ¹¹.

Конечно, персональный этнический состав высших исполнительных структур государственной власти в значительной степени имплицитно подвержен воздействию субъективного фактора, т.к. формируется он посредством прямых назначений первого лица в республике («король делает свиту прежде, чем она делает короля»). Однако исследование этнонационального содержания высших органов даже *представительной* власти в Башкортостане показывает, что титульное значение этой категории политической элиты за постперестроечные годы существенно возросло, став практически определяющим (см. табл.2) ¹²:

Таблица 2.

**Национальный состав высшего законодательного органа Башкортостана
в динамике (1980 - 1995 гг.), %**

Национальность	Верховный совет			Государственное Собрание - Курултай, 1995	
	1980	1985	1990	Палата Представителей	Законодательная палата
башкиры	38,6	40,3	33,5	41,1	55,8
русские	33,2	32,8	35,7	23,3	20,5
татары	20,7	20,7	22,5	29,5	14,7
другие	7,5	5,7	8,2	6,1	8,8

Как это хорошо видно из таблицы 2, сопоставление этнического состава депутатского корпуса высшего законодательного органа Башкортостана в динамике показывает, что если на протяжении последнего сорокалетия в основном

неизменно выдерживалась норма национального представительства (в рамках партийно-номенклатурной традиции «коренизации кадров» - с заметным превышением титульного этноса), то с переходом к современному, т.е. формально демократическому, свободному избранию высшей представительной власти, процентная доля башкир в парламенте республики увеличилась на порядок. Если

сравнивать этнический состав Верховного Совета Башкортостана образца 1990 года (первый опыт демократизированной избирательной системы) с Палатой Представителей Государственного Собрания - Курултая 1995 года (что наиболее уместно, т.к. последняя является фактическим правопреемником первого по количеству, качественному составу депутатов и самое главное - конституционным полномочиям), возрастание титульного значения парламента и доли депутатов - татар произошло за счет русских и других этнических групп. При этом, если доля депутатов из числа татар в верхней палате парламента в основном адекватно отражает процентное значение соответствующего этноса по республике, то доля башкир намного превышает, а доля русских и других народов уступает ему. Природу и причины этого, парадоксального на первый взгляд явления, когда, казалось бы, в случае реализации отработанных демократических процедур формирования *представительной* власти, она должна была хотя бы приблизительно отражать национальный состав населения республики¹³, мы попытаемся рассмотреть ниже.

Второе. Несомненно, что к числу наиболее существенных особенностей трансформации политических элит российских республик в постперестроечный период относится ярко выраженный, но в тоже время сложный и многообразный процесс их *этитизации*¹⁴. Интенсивная этатизация политических элит национальных республик России осуществлялась, на наш взгляд, именно в период после окончания «перестройки», на основе причудливого переплетения феномена «суверенизации» (т.е. региональной децентрализации власти - собственности¹⁵), густо замешанной на требованиях и лозунгах «возрождения и развития» титульных этносов) и отдаленных, инерционных последствий внутренней политической борьбы в центрально-федеральной правящей элите, возникшей после разгрома августовского (1991 г.) путча. Дело в том, что в результате отмены положения Конституции СССР о «руководящей и направляющей роли КПСС» в российских республиках к 1990 году, как и в большинстве других регионов, на непродолжительный период в системе власти воцарился «партийно-административный дуализм»¹⁶, своеобразное неуравновешенное двоевластие, когда партийное (КПСС) по существу руководство Верховных Советов приобрело формальную независимость и фактически возглавило в республиках «борьбу за суверенитет», отобрав в этом смысле лидерство у тогдашних обкомов.

После августовских событий Б.Н. Ельцин, как известно, руководствуясь благим намерением «не обострять политическую ситуацию накануне радикаль-

ной экономической реформы», провел через парламент решение об отмене процедуры выборов глав регионов и назначил их сам. В республиках это решение было продублировано применительно к «своим» городам и районам. Однако, если для России подобный подход, по крайней мере, считался временным решением, в республиках он стал обязательным правилом, закрепленным в принятых несколько позднее Конституциях.

Закрепленная практика назначения, а не избрания глав администраций городов и районов в российских республиках, ставшая неперенным условием функционирования власти и *отличительной особенностью* по сравнению с другими (в том числе соседними: Пермская, Челябинская и др. области) регионами, является одной из ключевых причин *элитизации* политических элит, формирования *авторитарно-номенклатурного* содержания их политических систем. Такой тяжеловесный по своему смыслу и очень болезненно воспринимаемый самими политическими элитами российских республик вывод обусловлен практическим отсутствием процедуры разделения в этих республиках законодательной и исполнительной властей, что является, как известно, обязательным условием функционирования правового государства. Попытаемся рассмотреть структуру «второго, регионального издания административно-командной системы» - по образно-меткому выражению пермского политолога В.П. Мохова¹⁷ - на примере организации взаимодействия высшей законодательной и исполнительной власти в Республике Башкортостан.

Простой политологический анализ показывает, что почти все основные законодательные и контролирующие полномочия двухпалатного парламента Башкортостана сосредоточены именно у Палаты Представителей. Законодательная Палата, работающая на профессиональной основе, выполняет главным образом аппаратные функции разработки законопроекта и выдвижения его на утверждение¹⁸. Между тем, практически весь состав Палаты Представителей Государственного Собрания - Курултая РБ находится в прямом административном подчинении руководителю высшей исполнительной власти - Президенту Республики. Происходит это следующим образом. Во-первых, согласно статье 95 Конституции РБ, Президент жестко контролирует деятельность глав администраций городов и районов, назначает и освобождает их от должности¹⁹.

В то же время закон о выборах парламента позволяет руководителям местной исполнительной власти становиться депутатами Палаты Представителей Госсовета. По нашим расчетам, практически все (73 из 75) главы администраций, назначаемые Президентом, являются такими вот «парламентариями» и «губернаторами» одновременно, соединяя в своем лице законодательную и исполнительную власть. Во-вторых, закон о выборах Госсовета позволяет высшим чиновникам исполнительных органов совмещать с основной работой деятельность в Палате Представителей. Поэтому депутатами Госсовета-Курул-

тая являются 19 высших руководителей Кабинета Министров, министерств, госкомитетов и других ведомств, также назначаемых и смещаемых, согласно Конституции, Президентом РБ. В-третьих, депутатами Палаты Представителей образца 1995 года стали 35 руководителей крупнейших промышленных предприятий и объединений республики. Последние, даже в условиях тотального разгосударствления экономики, находятся в Башкортостане в прямой зависимости от высшей исполнительной власти, т.к. особенностью законодательства РБ является обязательное заключение руководителями крупнейших промышленных предприятий контрактного соглашения с правительством республики²⁰. Из оставшихся 33% состава Палаты Представителей Госсобрания Башкортостана лишь один работает директором школы, остальные - главные врачи городских больниц, ректора вузов, руководители бывших колхозов-совхозов и председатели правления крупнейших в республике и контролируемых государством банков, в том числе - Национального Банка РБ (см. табл.3)²¹.

Таким образом, по степени ангажированности и зависимости от исполнительной власти Палата Представителей Госсобрания-Курултая РБ значительно превосходит не только часто именуемый «партхозактивом» Верховный Совет Башкортостана образца 1995 года, но и Верховный Совет Башкирской ССР, избранный еще в 1990 году при безраздельном господстве КПСС. Так, если в Верховном Совете РБ руководители местной исполнительной власти, назначаемые и смещаемые Президентом, составляли около 17%, то в Палате Представителей они контролируют почти половину ее состава.

Анализ динамического развития политической элиты Башкортостана в постперестроечный период показывает, таким образом, что ее этатизация значительно возросла.

Таблица 3.

Качественный (по роду занятий) состав Верховного Совета Башкирской ССР (1990 г.), Верховного Совета Республики Башкортостан (1995 г.) и Палаты Представителей Государственного Собрания-Курултая РБ (1996 г.), %

Верховный совет Башкирской АССР	%	Верховный Совет РБ	%	Палата Представителей Госсобрания-Курултая РБ	%
1. Секретари обкома, горкомов и райкомов КПСС	19,7	1. Главы администраций городов и районов	17	1. Главы администраций городов и районов	49,7
2. Руководители «советской власти» различных уровней	13,9	2. Руководители министерств и ведомств	18,4	2. Кабинет министров, председатели госкомитетов	13,7

3. Директора крупнейших промышленных предприятий	28,6	3. Руководители промышленных предприятий и объединений	31	3. Руководители промышленных предприятий и объединений, контролируемых государством банков	27,3
4. Руководители колхозов и совхозов	9,2	4. Руководители колхозов и совхозов	7,8	Руководители сельхозпредприятий, директора школ	3,3
5. Ректора вузов, директора НИИ, главврачи больниц	8,1	5. Ректора вузов, директора НИИ, главврачи	7,2	5 Ректора вузов, академических учреждений, главврачи	6
6. Рабочие	6,4	6. Рабочие	6,4		
7. Преподаватели вузов, рядовые ученые	4,8	7. Преподаватели вузов, ученые	3,8		
8. Журналисты, банкиры, предприниматели и др.	9,3	8. Журналисты, предприниматели и др.	8,3		

Ситуация, не только аналогичная башкортостанской, но и даже несколько более этатизированная, наблюдается в Татарстане, т.к. в последнем повторяется все то же самое, что и в Башкортостане, но уже в рамках однопалатного (Государственный Совет РТ) парламента.

Еще более авторитарной, даже без, так сказать, «номенклатурного крыла», присутствующего в Башкортостане и Татарстане, является система организации власти в Республике Хальмг Тангч (Калмыкия), где «...в обход действующего Парламента на Конституционном Собрании 5.04.94 принято Степное Уложение (Основной Закон) Республики Калмыкия. Степное Уложение устанавливает, что институт президентства незыблем; Президент назначает и освобождает не только руководителей органов государственного управления, но всех руководителей государственных предприятий, организаций и учреждений, - Президент самостоятельно, без вмешательства парламента, образует и упраздняет министерства, департаменты, государственные и другие ведомства, а парламенту он «вправе представить кандидатуру» его председателя. В случае если Народный Хурал трижды отклонит президентский законопроект, Президент может распустить парламента и сам издавать указы нормативного характера, а новые парламентакие выборы назначит по своему усмотрению»²².

Исходя из вышеизложенного краткого анализа структурного содержания организации власти в некоторых национальных республиках России, мы опре-

деляем их сущность как авторитарно-номенклатурный тип политической системы²³.

Политическая элита «первого» (Администрация Президента, Кабинет Министров) и «второго» (главы администраций городов и районов) уровней в таких системах кровно заинтересована, несмотря на постоянно зависающий над ней «дамклов меч» президентского авторитаризма, в сохранении существующей организации власти, т.к. олицетворяя в своем лице законодательную (а следовательно, - контролирующую) власть на уровне республики, она (элита) осуществляет безраздельное господство в рамках своей ведомственной или территориальной компетенции. Главы администраций городов и районов, например в Башкортостане, назначенные на свой пост Президентом, согласно действующему местному законодательству, автоматически кооптируются на должность Председателя Совета соответствующего представительного органа, который не обладает к тому же практически никакими властными полномочиями.

Третье. Особенности, принципиально отличающими трансформацию и современное состояние политических элит российских республик от элит других регионов, несомненно, являются механизм и социальная база легитимизации, а также методика осуществления и идеологическое обоснование проводимых в политической и социально-экономической сфере преобразований. Ограниченный объем настоящей статьи, однако, не позволяет проанализировать эти проблемы и требует остановиться на вышеприведенном исследовании некоторых аспектов новейшего преобразования правящих политических элит в республиках Российской Федерации.

Примечания:

¹ Бадковский Д.В. Трансформация политической элиты в России от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис, 1994, № 6. - С. 53-54.

² Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. - М., 1997. - С.247.

³ Как показывают некоторые этнополитологические исследования, механизм «суверенизации» автономий бывшей РСФСР был инициирован и запущен союзными властями задолго до обретения Россией реальной независимости и создания новых по содержанию органов российской власти. См. например: Аринин А.Н. Российская государственность и проблемы федерализма. - М., 1997. - С. 5-10.

⁴ Наиболее фундаментально и подробно проблему «огосударствления» языков и его последствий для этнополитического развития, применительно к государствам СНГ, Балтии и национальным республикам в составе России, проанализировал в отечественной науке М.Н. Губогло в своей книге «Переломные годы. Т. I. Мобилизованный лингвицизм». - М., 1993; см. также: Аклаев А.Р. Законодательство о языках и межэтнические конфликты в республиках Российской Федерации // Конфликтная этничность и этнические конфликты. - М., 1994.

⁵ Винокурова Л. А. Сказ о народе Саха - Якутск, 1994. - С. 129.

⁶ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. - М., 1997. - С. 121.

⁷ Фарухшин М.Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации // Полис, 1994, № 6. - С. 69.

⁸ Исхаков Д.М. Политическое развитие Татарстана после принятия Конституции (1992-1994 гг.) // Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. - М., 1995. - С. 75

⁹ Составлено и рассчитано нами по: Совет Башкортостана, 1990, 1 августа (на башкирском языке); Этнополитическая мозаика Башкортостана. - Т.1. - М.: ЦИМО. 1992. - С. 293. Анализ национального состава современного высшего руководства исполнительной власти производился нами, несмотря на значительные трудности, на основе предвыборных материалов, опубликованного справочника, а также изданий для служебного пользования.

¹⁰ : Для этнополитического развития Башкортостана данное обстоятельство имеет немаловажное значение, т.к. в силу определенных этноисторических причин около 21% башкир (178,5 тыс.) в республике считают родным языком татарский, не говоря уже о тех группах, которые пользуются при общении смешанными диалектами, больше тяготеющими к татарскому, чем к собственно башкирскому литературному языку.

¹¹ Об основных конституционно-правовых проблемах национальной политики в современном Башкортостане смотри более подробно: Галлямов Р.Р. Национальная политика в современном Башкортостане: конституционный и законодательно-правовой аспекты конфликтности (постановка проблемы) // Ресурсы мобилизованной этничности. - М.-Уфа, 1997.

¹²: Составлено нами по: Этнополитическая мозаика Башкортостана. - Т.1. - М., 1992. - С. 293; Юлдашбаев Б.Х. Новейшая история Башкортостана. - Уфа, 1995. - С. 249; Материалы, полученные в Государственном Собрании - Курултае РБ.

¹³ Проблему осуществления «представительства этнических групп» при организации государственной власти, на основе разработанной в западной науке теории «консоциальной демократии», в том числе применительно к современной практике российских республик, наиболее основательно рассмотрела в недавно изданной коллективной монографии известный отечественный этнополитолог Л.М. Дробижева. См.: Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. - М., 1996.

¹⁴ Этатизация политических элит в данном случае понимается нами не как количественное увеличение ее «государственных характеристик», а как двуединый процесс: с одной стороны, авторитарной и номенклатурной унификации власти, с другой - отчуждения от системы власти широких слоев населения.

¹⁵ Справедлив в этом смысле вывод о том, что «...кризис российской цивилизации и распад СССР... были вызваны в первую очередь...заинтересованностью в превращении государственной коллективной собственности бюрократии в частную собственность суверенной номенклатуры». См.: Аринин А.Н. Указ. соч. - С. 10.

¹⁶ Термин, предложенный А.В. Дука на основе исследования эволюции политической элиты Санкт-Петербурга. См.: Дука А.В. Изменение политической элиты Ленинграда/Петербурга 1989-1994 гг. // На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Часть 2. - М., 1997. - С. 174.

¹⁷ Мохов В.П. Трансформация региональной политической элиты в переходный период: некоторые тенденции // На путях политической трансформации... - С. 93.

¹⁸ См. Закон РБ «О Государственном Собрании Республики Башкортостан» // Законы Республики Башкортостан. Вып. XIII. - Уфа, 1995. - С. 5-12.

19 Конституция Республики Башкортостан. - Уфа, 1995. - С. 34-36.

20 См. Рахимов МП У титульного населения Башкирии нет привилегий. Интервью корреспонденту НГ И.Ротарю // Независимая газета, 1997,27 декабря.

21 Расчитано нами по: Известия Башкортостана, 1995,14 марта; Кто есть кто в Республи-

ке Башкортостан. - Уфа, 1995; Издания для служебного пользования.

22 Афанасьев М.Н. Указ. соч. - С. 201

23Анализируя смысл политической системы современного Татарстана, известный казанский этнолог и один из лидеров татарского национального движения Д.М. Исаков, бездоказательно апеллируя к терминологическому аппарату одного из авторитетов западной политологии, называет почему-то эту систему «полномочной демократией», хотя сам же приводит данные о том, что 56,5% депутатов парламента РТ представляет исполнительную власть, а еще 13,7% «...относятся к числу тесно связанных с властными структурами хозяйственных руководителей». См.: Исаков Д.М. Указ. соч. - С. 75-76 .